

Студенческие сороковые (институт в годы войны)

Валентина Федоровна Сизых, ветеран труда, автор цикла материалов о студенческих годах в период Великой Отечественной войны и послевоенное время.

Трудная зима 1944–1945 года

(Продолжение. Начало см. газету «Учитель» №№23, 24, 33, 34–35 1983 г., №№5,6, 25–26, 34–35 1097 г., №19 1988 г., №13 1997, №25 1998 г.).

Здание на улице Н. Крупской 124 (тогдашний номер), куда вернул-ся наш институт из города Камень-на-Оби в октябре 1944 года, после госпиталя представляло собой пустые стены, кое-какую мебельную рухлядь да выброшенную отслужившую посуду. Мы ж из Камня привезли лишь железные койки, матрасы, постельное белье, библиотеку и картошку.

Трудности возникли сразу же после вселения. Не было посуды: ведер, тазов. Искали емкости по всей округе, выпрашивали у жителей, приспособляли выброшенные, отслужившие. В обязанности дежурного входило: вымыть пол, обеспечить питьевой водой, вынести ведро, выставленное на ночь в коридор. Все это неизменно протекало, образуя пахучие лужи в коридоре. И директор (по нынешнему ректор) Василий Васильевич Ключев зачастую чуть свет стучал в дверь: «Опять протекли!»

Воду выдавали в Барнауле по талонам и не всегда. Стоишь – стоишь с одним ведерком или бидоном в общей очереди с жителями у единственной на все Прудские колонки, плеснет тебе тетя по трубе норму, несешь ее полкилометра, утопая по щиколотку в песке. Не дай бог расплескать или опрокинуть посудину, останемся на сутки без питья.

Со стиркой приспособлялись, кто как мог. Чаще всего ухитрялись стирать в бане. Раз в неделю гурьбой ходили в баню на Никитинской, 1, где вместе с талоном выдавали кубик разрезанного на дольки хозяйственного мыла размером сантиметра в два. Хотя стирать в бане запрещалось, за этим строго следили банщицы, мелкие вещи девичьего туалета мы все-таки в бане стирали. Меня со стиркой выручала сокурсница Нина Зубкова. У нее в Барнауле жили сестра и тетка в частных домишках. Целое воскресенье мы с Ниной хозяйничали: топили дровами плиту, кипятили белье в баке со щелоком, просушивали, развешивая в ограде, на ветерке и даже – какое счастье: жарили на воде целую большую сковородку картошки.

Замков в институте ни в каких дверях не было. На ночь закрывались изнутри длинными палками.

Было отвратительное нашествие крыс, которые, чуть стемнеет, разгуливали по зданию косяками. Не было никакой возможности оставить что-то съестное назавтра. Пробовали оставлять между стеклами окон, подвешивать узелки с едой на веревке, протянутой под потолком, — крысы взбирались по стенам и веревкам и пожирали все.

Электросвет подавался чаще всего ночью, когда город засыпал. С вечера нити единственной электролампочки еле краснеют: друг на друга не наткнешься, но читать, писать — ничего не видно. Девчата готовились к занятиям, зачетам по ночам, когда ярко светила электролампочка, или чуть свет на чердаке. Я же ночью или на чердаке никогда не учила. Была ведь сталинской стипендиаткой, мне нужны были только отличные оценки. Читать я стала с трех лет, всегда много читала. С 1939 года, учась в Барнаульском педучилище, на всю жизнь полюбила библиотеку и каждую свободную минуту проводила в ней, где библиотекари, как мне казалось, берегли для меня самые лучшие книги. Девчата никогда не видели, чтоб я «зубрила» где-то в уголке в общежитии, считали, что мне все дается само собой. Но это было не так. Я любила готовиться в читальном зале библиотек. После занятий уходила чаще всего в городскую библиотеку недалеко от театра (ныне филармония на улице Ползунова), в библиотеку на 2-ом этаже клуба Меланжевого комбината или в библиотеку Железнодорожного клуба (на месте мемориала тогда стоял двухэтажный деревянный клуб в тополиной роще). Возьмешь с собой драгоценную пайку хлеба, полученную по карточке, пристроишь рядом в тряпочке, чтоб ни крошечки не уронить, отщипываешь по крохотульке и сосешь, как конфету, черный хлебушко, чтоб подольше растянуть эту сладость. А сама читаешь. Сидеть в одежде тепло. Тихо. И никто не мешает размышлять, впитывать книжную премудрость.

Никакого технического персонала в институте не было: ни техник, ни кочегаров, ни слесарей (на заводах норма хлеба была 800 граммов, и к нам на 600 граммов никто не шел). Все делали мы сами — горстка студентов и преподавателей: пилили, рубили, кочегарили по ночам, скребли и мыли, носили, таскали, поднимая тяжести. Ночь кочегаришь, днем — на занятия.

Но главное испытание ожидало с наступлением холодов. Лес, заготовленный институтом на дрова в Сузунской тайге и сплавленный по Оби плотами (я работала на этих лесозаготовках), остался в Камне. Институт оказался без топлива. Сначала в кочегарке (в подвальном помещении института) сожгли деревянный забор, потом распилили и со-

жгли въездные ворота, потом раскатали по бревну, распилили пропускную избушку и все прочие строения в ограде. Но и эти дрова кончились. Ударили морозы. Батареи перемерзли. Стены коридоров покрылись куржаком.

Студенты физико-математического факультета разбрелись кто куда (первый выпуск физико-математического факультета состоится только в 1949 году). Нас, студентов 3-го курса факультета русского языка и литературы, наиболее стойких, осталось лишь пять человек. Речь шла о закрытии института. Оставшихся студентов предполагалось перевести в Новосибирский пединститут.

Василий Васильевич Клюев прилагал героические усилия по спасению института. Достал на заводе «буржуйки», чугунные круглые печи, поставил в комнатах общежития, в служебных помещениях. Разжигашь дровишками через дверку сбоку, уголек засыпаешь через верхнюю крышку печки, от печки – толстые трубы коленом прямо в верхнее стекло окна. В обязанности дежурного было топить «буржуйку» на время занятий и вечером на ночь. Собирали на растопку палки по всему городу, уголек в ведро собирали вдоль железной дороги.

Занятия перенесли в жилые комнаты общежития. Сдвигали койки квадратом вокруг печи, рассаживались, отводя преподавателю место потеплее, поближе к топке тоже на кровати. Так слушали лекции Милия Николаевича Целебровского, Филиппа Степановича Попкова, Ивана Ивановича Мельникова.

И все-таки институт был спасен. Василий Васильевич достал-таки для института целый вагон угля. С какой радостью мы грузили этот уголь с платформы на железной дороге на полуторку, с полуторки прямо у стены здания у входа в кочегарку – целый террикон угля! Черномазые, но веселые, и все вручную, только с лопатой в руках.

Начали отогревать замерзшие батареи. Василий Васильевич с помощниками делал это сам. На мое ночное дежурство выпала ночь, когда пускали отопление. Василий Васильевич послал меня с запиской на аппаратурно-механический завод, чтоб дали паяльную лампу. Три часа ночи. Мороз. Иду, как на фронтное задание, зажав записку в рукавике. В деревянной проходной подаю записку вахтеру, сама греюсь около «буржуйки». Вынесли лампу. Снова в путь. Тороплюсь: скорее, скорее.

Этой ночью пустили отопление.

Победа!

Жить стало веселее. Кормить в столовке стали два раза. Но чаще всего талон на ужин мы просили отоварить двойной порцией в обед, особенно тогда, когда варили лапшу на воде: хоть раз в сутки, но досыта наестся.

С фронта приходили хорошие вести: наши воевали на территории Германии, штурмовали Берлин. Наступала весна больших надежд. Еще немного, еще чуть-чуть, и будет конец войне.

Сам день Победы не был неожиданностью. Обычный воскресный день. Я затеяла постирушку, пристроившись с тазиком у окна в коридоре. Прибежали девчата: «Валя, Победа! Мы – на площадь». Быстро собрались и стайкой на главную площадь Барнаула – площадь Свободы. Туда на стихийно возникший митинг спешили жители Барнаула. Лица радостные. «Победа! Победа!» – спешил сообщить каждый. На площади, уже видимо-невидимо народу. Обнимали друг друга, громко радовались. Кое-где уже звучала гармошка, пускались в пляс, а у многих слезы на глазах и от радости, и от горя пережитого – все выплеснулось в этот день из окаменевшей души русского человека.

В.Ф. Сизых